

Алексей Тепляков

Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ — НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг.

Крайне болезненный процесс перевода деревни на обобществленный труд привел к созданию особой властной надстройки в деревне. 5 августа 1932 г. Сталин направил в Политбюро письмо с предложением реорганизовать Наркомзем, МТС и другие органы управления сельским хозяйством. В январе 1933 г. пленум ЦК ВКП (б) довел эти предложения до оформления института политотделов при МТС, которые, располагая огромными правами, должны были стать особым и чрезвычайным органом власти в деревне. Карательная система получила внушительное подспорье, поскольку в штате политотделов оказались так называемые «вторые заместители» начальников политотделов (ЗНПО) — кадровые чекисты, мобилизованные в новую структуру из краевых аппаратов ОГПУ, оперсекторов и райотделов. Для их подготовки при полпредствах ОГПУ были организованы специальные оперкурсы.

Как несколько месяцев спустя подытожил глава полпредства ОГПУ по Запсибкраю Н. Н. Алексеев, «тов. Сталин предложил создать в деревне — в МТС, совхозах — политические отделы, эту боевую организацию, которая должна была поднять там на высшую ступень нашу партийную работу — воспитать новые парткадры и деревенский актив, повести борьбу с классовым врагом». В авангарде борьбы с врагом оказались именно «вторые заместители»¹.

Политотделы стали весьма оригинальным звеном управленческой структуры тех лет, объединяя в себе репрессивные, пропагандистско-политические, административные и хозяйственные функции. Полный штат политотдела (укомплектованный обычно далеко не полностью) предусматривал должности начальника, заместителей по партийно-массовой, чекистской, комсомольской работе, а также ставки женорганизаторов и редакторов создаваемых при политотделах газет. Но в рядовых политотделах у начальника нередко было не более двух заместителей, а то и один-единственный. ОГПУ оказалось самым дисциплинированным ведомством — его работники прибывали в политотделы с весны 1933 г., нередко даже до назначения начальников политотделов, и сразу включались в привычную агентурно-оперативную работу. Например, недавний особист Ф. И. Личаргин в конце марта 1933 г. был назначен ЗНПО по оперработке Кузнецкой МТС Сталинского района ЗСК и сразу по приезде в МТС вскрыл две «вредительские группы». ЗНПО А. В. Гуржий прибыл в Тюменцевскую МТС в апреле 1933 г., а начальник политотдела — 28 мая 1933 г.; ЗНПО Я. Ф. Трейлиб приехал в Усть-Сосновскую МТС Топкинского района 11 апреля 1933 г., а начальник политотдела — 11 мая 1933 г.

Таким образом, политотделы МТС и совхозов фактически были дубликатами райкомов ВКП (б) и одновременно филиалами райотделов ОГПУ. Такое единство в двух лицах политической власти и политической полиции, по мнению Сталина, должно было наиболее эффективно помочь завершению коллективизации. Репрессивная составляющая была в деятельности политотделов главной. В основных производственных центрах сельской местности, коими являлись МТС и крупные совхозы, происходило выявление и уничтожение «социально-чуждых элементов» и расхитителей (как подчёркивал один из начальников политотделов, воровство в колхозах было главным элементом сопротивления классового врага), подбирались кадры на руководящие должности в колхозах, производился прием в партию механизаторов, бригадиров и рядовых колхозников, контролировалась деятельность сельских партячек. Создание политотделов было приурочено к началу весенних полевых работ и началось в апреле 1933 г. С 1933 г. интенсивно

формировались политотделы и в совхозах. Система строилась и укреплялась до того самого момента, когда нужда в политотделах отпала.

Руководство политотделов, в том числе и «вторые заместители», утверждались решениями Оргбюро ЦК ВКП (б). Им, как и начальникам политотделов, придавали очень большое значение — чекисты-политотделы котируются как начальники райаппаратов и среди них встречались нерядовые работники. Это начальники крупных райотделов ОГПУ — Тарского (С. В. Тимофеев) и Славгородского (М. А. Иванов), начальник отдела полпредства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю С. В. Шкитов (бывший комендант Енисейской губЧК, отвечавший там за массовые расстрелы), Н. А. Барков, в 20-е годы работавший заместителем начальника Якутского облотдела ОГПУ. Ради наполнения политотделов опытными оперативниками ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю пошло на то, чтобы ослабить ведущее контрразведывательное подразделение — Особый отдел ВСВО (также активно занимавшийся разведкой в Китае и Монголии) — и направить в МТС особистов из Иркутска и Читы. Среди ЗНПО оказалось много бывших начальников и оперработников райаппаратов ОГПУ, в первой половине 30-х годов активно принимавших участие в расстрелах осуждённых. Один из таких чекистов, И. В. Тарсуков, позднее вспоминал, как он в своё время «баржами топил» ссыльных крестьян².

На ноябрь 1933 г. в шести совхозах ЗСК политотделы состояли из двух человек — начальника и его «второго» заместителя. На 5 января 1934 г. в ЗСК было 194 МТС, в 135 из них существовали политотделы, а чекистов в них насчитывалось 116. Тогда же в Восточной Сибири имелось 59 МТС, политотделов было 49, а ЗНПО по оперработке — 42 чел. (для сравнения — в Северо-Кавказском крае к началу 1934 г. было создано 319 политотделов на 326 МТС, причём чекисты были в 302 из них). Сибири было далеко до такого охвата. К 20 апреля 1934 г. политотделов было 197, а сотрудников ОГПУ в них — только 142. И только к концу 1934 г. Западная Сибирь была в основном охвачена сетью чекистов-политотдельцев. В конце существования политотделов МТС (на 4 ноября 1934 г.) их было 221 при потребности в 245 политотделов, а работников НКВД в них — 176³.

Появление института «вторых заместителей» увеличило общее количество работников госбезопасности, чья численность стремительно росла в течение всей первой половины тридцатых годов. Эта разновидность чекистов имела двойное подчинение. В оперработке ЗНПО руководились оперсекторами ОГПУ-НКВД, являясь райаппаратом в миниатюре. Но также ЗНПО были обязаны вести политическую работу (исполнять отдельные поручения пропагандистского характера не в ущерб агентурной работе) и держать руководство политотделов в курсе своей деятельности, информируя их о положении в колхозах. Естественно, в такой ситуации ведомственные трения проявились сразу и очень сильно влияли на взаимоотношения между работниками политотделов.

Чекисты всемерно избегали партийных поручений и далеко не всегда ставили в известность начальников политотделов относительно своих действий. Нередко они начинали следить за самими партработниками; в свою очередь, те тщательно фиксировали промахи «вторых заместителей» и постоянно сообщали о них в краевые инстанции. С точки зрения партийцев, чекисты вели себя слишком независимо, уклонялись от партийных нагрузок и признавали над собой только свое собственное начальство. Политотдельцы пользовались возможностью насолить оперативникам с помощью давления на местные власти, которые обеспечивали работников политотдела жильем, а также постоянно жаловались на чекистов краевым властям. Оперработники, оторванные от аппаратов райотделов и оперсекторов НКВД, в бытовом

(и частично служебном) отношении зависели от расположения местной власти. Так, чекист Е. Е. Липцер жаловался в УНКВД ЗСК, что директор Болотнинской МТС не даёт ему лошаадь, «что отражается на оперативной работе». Зачастую меркантильные и личные конфликты перерастали в затяжные многомесячные склоки (столь характерные для внутренней жизни партийно-советских организаций), изредка заканчиваясь переводом оперативников в соседние политотделы. В Новой МТС Купинского района ЗНПО М. М. Портнягин внутри политотдела образовал группу «обиженных» в лице ответственного за комсомольскую работу, женорга и директора МТС, устроивших свару с руководством из-за неправильного распределения продуктов и иных благ. Начальник политотдела сообщал в Новосибирск, что его заместитель «держит себя замкнуто и не информирует начальника о своей работе, не участвует в общей политотдельской работе... пишет бесконечное количество жалоб и донесений во все концы...» Портнягин, впрочем, не щадил и коллег, утверждая в своих доносах, что работники Купинского райаппарата ОГПУ — «не состав, а просто компания ничего не делающих склочников».

Сплошь и рядом начальник политотдела яростно обвинял своего зама по оперработе в недостаточной разворотливости или нежелании как следует бороться с врагами, норовил вмешаться в его специфические функции. Обычно в таких конфликтах руководитель политотдела оказывался сильнее своего заместителя, которому плохо помогали жалобы чекистскому начальству.

Начальник политотдела Ильинской МТС Хабаровского района А. С. Зубарев 3 июня 1934 г. в специальном приказе поставил на вид своему «второму заместителю» С. М. Ермишкину за то, что тот не информировал политотдел о своей работе. Зубарев видел в Ермишкине просто политотдельца и загружал его хозяйственной и пропагандистской работой. В июле 1933 г. Ермишкина послали в Омск принимать комбайны, а затем обязали читать лекции (22 часа) для трактористов. Ещё Ермишкин должен был выезжать в девять колхозов — на два дня в каждый. Начальник политотдела начал обвинять своего заместителя в защите кулаков и скрывании кулацкого происхождения (Ермишкин, оформивший весной 1934 г. дело на семь участников «хищнической группы», был против незаконного решения Зубарёва о выселении всех единоличников из колхоза), а также заявил ему, что он, Зубарев, «руководит всем», и ЗНПО обязан даже в агентурно-оперативной работе действовать исключительно по его указаниям. Доведённый до нервного расстройства Ермишкин просил перевести его в другой район, но козни Зубарева дали свой эффект — чекиста вскоре осудили на три года лагерей за скрывание происхождения и отправили в Бамлаг НКВД, откуда, впрочем, он быстро вернулся.

ЗНПО Гальбштадтской МТС В. И. Ткаченко летом и осенью 1933 писал Н. Н. Алексееву жалобы на начальника политотдела (и бывшего чекиста!) И. С. Крылова и просил откомандирования из района: «Если бы я не имел бы свою сеть, я был бы полностью изолирован от политической жизни МТС». Ткаченко жаловался, что Крылов «в работе со мной не делится», подрывает авторитет, отказался привезти из города пишущую машинку, которой не было в райаппарате ОГПУ... В 1934 г. Крылов (его характеризовали как нервного и вспыльчивого человека, старавшегося всё делать самостоятельно и увлекавшегося голым администрированием) работал в Сростинской МТС, и тамошний ЗНПО П. С. Голдырев жаловался, что Крылов, встретив его на улице, в присутствии секретаря райкома ВКП (б) накричал на оперативника: «Ты когда будешь работать! Кругом контрреволюция, ты никого не садишь! Не хочешь работать? Иди к ... матери из МТС!» Но и Голдырев был хорош — появлялся на работе пьяным, собирал сведения о личной жизни политотдельцев (и занимал у них при этом деньги), а в ноябре 1934 г. был исключён из партии и пошёл под трибунал за пьянство и дачу револьвера бригадиру трактористов,

из которого тот ранил рабочего. Начальник политотдела Красноярской МТС Омского р-на Сафонов постоянно использовал ЗНПО Г. С. Никулина на партийно-массовой работе в ущерб основной, а 1 декабря 1934 г. чекист был даже ненадолго исключён из партии за допущение директором МТС снижения урожайности.

Хватало и противоположных примеров. Так, ЗНПО Кипринской МТС Тюменцевского района А. П. Черемшанцев на просьбу исполнявшего обязанности начальника политотдела Л. Д. Шайды прийти к нему (в связи со случившимся убийством колхозника) ответил матерной бранью, подытожив ее словами: «И пусть больше ко мне не вязнет!» Естественно, марксистско-ленинской учёбы колхозников Черемшанцев не проводил ни разу... С. В. Юрин из Шарчинской МТС Ребрихинского района ЗСК 5 апреля 1934 г. заявил начальнику политотдела Воронцову, что «совершенно не считает нужным считаться» с его предложениями. Юрин не информировал Воронцова о работе, не сообщал сведений о настроениях населения, из-за занятости по службе категорически отказывался от партийной работы⁵.

Начальники политотделов желали выглядеть «святее папы римского» и постоянно обвиняли чекистов в слабой борьбе с классовыми врагами. Начальник политотдела Алексеевской МТС Мошковского района в октябре 1934 г. сообщал краевым властям о пассивности И. П. Прахова, который большей частью сидел дома. В Зырянской райМТС о ЗНПО Е. И. Шашкове 21 мая 1934 г. секретарь РК ВКП (б) и начальник политотдела МТС говорили, что он «крайне слаб как практический оперативный работник». Начальник политотдела Шарчинской МТС Ребрихинского района в ноябре 1934 г. сообщал, что чекист А. И. Овцин никаких результатов в работе не показал и «12 чел. осуждены за хищения хлеба, саботаж, падёж свиней по материалам самого начальника политотдела». В январе 1935 г. начальник политотдела Комарихинской МТС Покровского района Д. Ласкин жаловался в УНКВД на леность Н. М. Куртукова, якобы совсем прекратившего работу «по специальности». Глава политотдела Титовской МТС Топкинского района Никифоров критиковал чекиста В. М. Старосельникова за то, что тот дал возможность скраться явным вредителям, а нового «второго заместителя» Б. С. Новичкова, напротив, хвалил за «упорную работу». Нередко сотрудники политотдела слаженно выявляли «врагов колхозного строя»: например, в 1933–34 гг. политотдел Овчинниковской МТС Косихинского района ЗСК с помощью чекиста В. К. Буряка каждый месяц в колхозах «Гигант», «Искра», «Первое августа», «Память Ленина» вскрывал «группы социально-чуждых элементов»⁶.

Иногда политотдельские конфликты осложнялись вмешательством районных властей. Козлом отпущения в политической интриге местного значения стал чекист А. Г. Сектарёв из Шипуновской МТС. Решением бюро Запсибкрайкома ВКП (б) он был снят за затяжку ареста группы кулаков в колхозе «Красный борец» (с. Начинаево), где еще в 1931 г. ОГПУ «разоблачило» контрреволюционную повстанческую группу «Проснись, Украина!» Уполномоченный ЦК ВКП (б) Б. Е. Трейвас, обследовавший положение дел в Шипуновском районе, прямо обвинил Сектарёва в том, что тот ничего не сделал для уничтожения якобы поднявших голову остатков этой мифической «организации». Особенно взбесило руководство райкома ВКП (б) выступление Сектарёва на совещании работников политотдела, где он заявил, что в колхозах, обслуживаемых МТС, нет кулаков. За явный оппортунизм его потребовали исключить из партии как «переродившегося», так что Р. Эйхе пришлось успокаивать секретаря райкома и напоминать ему, что крайком здесь ограничился постановлением переместить проштрафившегося ЗНПО на менее ответственную работу. В. Ф. Коротков, ЗНПО по оперработе маслосовхоза N 230 в Солонешенском районе ЗСК, в 1936 г. получил партвыговор от райкома «за отсутствие сигналов в РК ВКП (б) о работниках политотдела совхоза».

Е. И. Малыгин — ЗНПО маслосовхоза N 301 им. Новосибирского горсовета — 20 декабря 1934 г. был исключён из партии Новосибирским горкомом ВКП (б) за организацию склоки в совхозе и потерю классово-бдительности. А делом Я. И. Паршукова, работавшего в совхозе N 234 Любинского района, занимался непосредственно Запсибкрайком, исключивший его в декабре 1933 г. из ВКП (б) за «антипартийный, клеветнический выпад против руководства партии»⁷.

Провокация и очевидные нарушения закона были и оставались основным оружием чекистов в борьбе за максимальное создание контрреволюционных организаций. Нередко надзорные органы пытались противостоять наиболее очевидным нарушениям законности, вроде арестов без санкции прокурора или долгого необоснованного содержания под стражей. Иногда они вмешивались и в святая святых чекистской работы — агентурную деятельность: так, прокурор Павловского района ЗСК в январе 1934 г. информировал политотдел МТС о том, что «агентурная сеть по оперативной части в нашем кусте работает неправильными методами». П. В. Хорошко — ЗНПО по оперработе Краюшкинской МТС Тальменского района ЗСК — в январе 1934 г. обвинялся краевой прокуратурой в том, что забирал к себе для расследования дела из милиции, задерживал их и, соответственно, заключённых, которые находились под арестом без санкции прокурора. Был у Хорошко конфликт и со своим гражданским начальником Мезиным, который потребовал у чекиста назвать источника информации о недостатках в работе МТС и требовал предварительного просмотра собранных Хорошко материалов. Власти рекомендовали чекисту более полно информировать политотдел, а Мезину указали на необходимость урегулировать отношения с заместителем.

Чекист Г. Д. Планкин в Маховской МТС Алейского района занимался откровенными провокациями. В январе 1934 г. в тамошних колхозах были выявлены две группы расхитителей из 24 человек, организаторами которых оказались осведомители Планкина; недостача в колхозе «Великий перелом» составила полторы тысячи центнеров зерна. Планкин «официально дал своим осведомителям задание участвовать в воровстве колхозного хлеба. В результате эти люди с маленького воровства под защитой политотдела перешли на массовое». Только что демобилизованный красноармеец Петухов, замеченный в неумеренном пьянстве, заявил политотделу, что пьёт по заданию Планкина, «чтобы кое-чего выявить». П. А. Костенко в Курьинской МТС Покровского района ЗСК был обвинён в том, что организовал слежку за одним из заместителей начальника политотдела Глазановым, сдерживал (под видом опасности срыва вёдшейся агентурной разработки) попытки политотдела «самостоятельно вскрыть безобразия в отдельных колхозах и разоблачить их виновников». В связи с этими обстоятельствами 10 апреля 1934 г. начальник политотдела просил снять чекиста с работы и привлечь к партийной ответственности⁸.

Схема работы карательного аппарата в 20–50-е годы была стандартной: с помощью агентуры выявляли недовольных, которых арестовывали и затем с помощью жёстких допросов принуждали оговорить себя и других, «сознавшись» в принадлежности к какой-либо антисоветской организации: вредительско-диверсионной, повстанческой, националистической, шпионской. Вербовка агентурно-осведомительной сети была поставлена на широкую ногу: так, осенью 1933 г. руководители Тяжинского РО ОГПУ сообщали Томскому оперсектору ПП ОГПУ Запсибкрая, что контрольные цифры «насаждения сети на мирное и военное время» (420 осведомителей и спецосведомителей, а также 42 резидента) слишком велики и выражали намерение добиться «насаждения» 313 осведомителей и 38 резидентов. Таким образом, на каждого кадрового сельского чекиста приходилось не менее 100 секретных агентов. Нагрузка на ЗНПО была заметно

меньше: три-четыре резидента, каждый из которых обычно курировал примерно десять осведомителей. В Ададымском зерносовхозе (Томский оперсектор ОГПУ) агентурная сеть, к примеру, насчитывала 28 чел. Впрочем, чекисты всегда отмечали, что значительная часть наспех завербованной чекистской агентуры является неработоспособной и уклоняется от дачи сводок либо сообщает малоинтересные сведения⁹.

Деятельность политотделов по масштабной чистке деревни оказалась достаточно эффективной и выполнила те политические задачи, которые перед ними ставились: с помощью «вторых заместителей» многие «классово-чуждые элементы» были изгнаны из колхозов, совхозов и МТС и осуждены; в результате во многих колхозах в 1933—1934 гг. была изъята значительная часть трудоспособных мужчин. Так, в колхозах Сростинской МТС в 1933 г. было арестовано более 320 мужчин, из-за чего некоторые колхозы к посевной 1934 г. лишились до половины работников (следует учитывать, что такой «выдающийся» результат был достигнут в основном трудами Барнаульского оперсектора ОГПУ, интенсивно фабриковавшего пресловутые «белогвардейский заговор» и «заговор в сельском хозяйстве»). На апрель 1934 г. в Шебалинской МТС Бийского района в сёлах Б. Угреньёва, Бакол и Новиково «70–80% взрослого населения судилось [на срок] от 1 года 4–5 раз», что, по мнению политотдела, подрывало авторитет суда.

В помощь чекистам и милиции политотделы привлекали даже детей. В июне 1934 г. крайком ВКП (б) и политсектор МТС объявили краевое соревнование пионеров и детей колхозников на лучшее участие в охране урожая. В 28 политотделах МТС силами комсомольцев для детей построили 256 сторожевых вышек. Летом и осенью 1934 г. пионеры Закладной МТС Завьяловского района поймали 7 воров, в колхозе «Красный восток» Зиминской МТС Ребрихинского района — 20, в четырёх других МТС — 9 расхитителей¹⁰. Среди осуждённых по материалам политотделов преобладают расхитители колхозной собственности, что говорит о присвоении политотделами чисто милицейских функций. В связи с крайне низкой квалификацией следователей тех лет и их политической тенденциозностью следует учитывать, что и в расследовании дел о хищениях могли допускаться грубые нарушения законности, особенно когда из «хищнического элемента» создавались целые группы, обвинявшиеся в том числе и за антисоветскую деятельность (вредительство, саботаж).

Имеющиеся материалы дают достаточно много сведений для характеристики ЗНПО. Большинство чекистов-политотдельцев были молодыми людьми (до 30–35 лет), коммунистами с небольшим стажем, крестьянского происхождения и начальным образованием. Среди них (как и среди начальников райотделов ОГПУ — НКВД Сибири) не было ни одной женщины.

Для повседневной деятельности «вторых заместителей» характерен напряжённый график работы, связанный в первую очередь с постоянными выездами для встреч с агентурой и подготовкой новых вербовок. Передвижение по территории района осуществлялось обычно на лошадях. Бытовые условия были нередко весьма сложными. Так, М. М. Портнягин ютился в крохотной квартирке, где его дети спали на полу, так как не было места для кровати. Чекист А. И. Овцин требовал жильё с дополнительной комнатой — для оперработы. Получив отказ, он десять дней не выходил на службу. Начальник политотдела жаловался на прогульщика в РО ОГПУ, но Овцин, пробастовав месяц, добился-таки квартиры предшественника, а заодно и лучшей лошади. Для улучшения жизненных условий чекисты не брезговали ничем: Е. С. Олейников — ЗНПО по оперработе Коробейниковской МТС Усть-Пристанского района ЗСК (активист, к октябрю 1933 г. арестовавший две «вредительские группы») — просто выдворил детей из яслей в с. Коробейниково и занял этот дом под своё жильё.

Большая часть чекистов от напряжённой работы становились неврастениками; нередко они страдали малокровием, туберкулезом и малярией, а квалифицированную медицинскую помощь могли получить только в крупных городах. ЗНПО Ново-Егорьевской МТС Рубцовского района Л. С. Рохмистров болел туберкулёзом более полугода, и начальник политотдела сообщал в край, что «держать его здесь, в квартире, без всякой медицинской помощи, в течение ряда месяцев — преступно». А. А. Плотников (Залесовский район) в 1934 г. заболел психически, бредил и был отправлен на лечение в Томск, чтобы потом оказаться на работе в системе Сиблага¹¹.

Для морального облика малограмотных и распущенных оперативников было характерно прежде всего повальное пьянство и крайняя грубость. На окружающих они смотрели как на потенциальных сексотов или подследственных, поэтому вели себя соответственно. Случалась и обычная уголовщина. ЗНПО по оперработе Курайской МТС ВСК Шердаков в марте 1934 г., разыскивая партбилет начальника политотдела МТС, допрашивал двух рецидивистов, якобы укравших билет. Не добившись возврата, Шердаков участвовал в их избиении и самочинном расстреле. ЗНПО по оперработе Мало-Увальского маслосовхоза N 258 Татарского района ЗСК П. Н. Букреев за участие в пьяном застолье, закончившемся убийством, а также за самовольную конфискацию у одного из граждан 198 метров мануфактуры и 2.400 руб. был в марте 1936 г. осуждён на три года лагерей. А. М. Каменев, ЗНПО Камышловского племсвиновхоза, 3 мая 1935 г. Омским обкомом ВКП (б) был снят «за хулиганские действия, выразившиеся в попытках... принудить к половому сожительству женщин-работниц совхоза». С. А. Певень — ЗНПО по оперработе Караканской МТС Сузунского района ЗСК — осенью 1934 г. был снят с должности за избиение четырёх колхозников¹².

Для 1933–1934 гг., как и для 1937–1938 гг., характерно массовое участие оперработников и милиции (а подчас и фельдъегерей) ПП ОГПУ ЗСК в расстрелах осуждённых. Правда, поскольку ЗНПО часто находились вдали от райцентров, они редко привлекались к казням. Но был и такой случай, когда А. Н. Филатов, ЗНПО по оперработе Заречной МТС Топчихинского района ЗСК, 17 октября 1934 г. вместе с уполномоченным РО НКВД А. С. Кюрсом присутствовал при расстреле начальником Топчихинского РО НКВД М. П. Бирюковым двух осуждённых, причём в акте о расстреле было особо оговорено, что Филатов и Кюрс только присутствовали. Возможно, они выполняли роль охранников, а может быть, таким образом оперативникам прививалась привычка не жалеть «врагов народа».

К середине 30-х годов в основном был завершён процесс коллективизации. Значительно выросла партийная прослойка на селе — низовая опора власти. К началу 1935 г. политотделы МТС были влиты в райкомы, а «вторые заместители» — в райотделы и краевой аппарат УНКВД. Однако «совхозные» чекисты были оставлены на своих рабочих местах. Политотделы в совхозах существовали до марта 1940 г., а ЗНПО в них — до октября 1936 г. Результатом деятельности заместителей по оперработе были не только тысячи осуждённых, но и увеличение агентурно-осведомительной сети в сельской местности.

Для примерно 500 сибирских ЗНПО середина 30-х годов стала серьёзной закалкой в их самостоятельной чекистской работе и послужила для самых старательных хорошей ступенькой в дальнейшей карьере. Вот, например, послужной список Ф. В. Воистинова (1904 — ?). С 1929 г. работал практикантом Славгородского окротдела ПП ОГПУ Сибкрая. С 1931 г. — райуполномоченный ПП ОГПУ ЗСК по Панкрушихинскому району, за раскрытие «ряда повстанческих организаций» награждён серебряными часами. С октября 1932 г. — райуполномоченный ОГПУ по Коченёвскому району. С апреля 1933 г. — ЗНПО по оперработе

Крутоловской МТС Коченёвского района; в сентябре 1933 г. в колхозе «Светлый путь» «вскрыл антисоветскую кулацкую группу» (49 чел.), из числа участников которой арестовал 14 чел. и дела на них направил на рассмотрение тройки ПП ОГПУ ЗСК. Награждён знаком «Почётный чекист» (1934). В 1935–36 гг. начальник Куйбышевского РО УНКВД ЗСК, с июля 1936 г. возглавлял секретно-политическое отделение Барнаульского ГО НКВД, младший лейтенант госбезопасности. С декабря 1936 г. — помначальника и начальник особотдела НКВД 78-й стрелковой дивизии СибВО (Томск), «принимал активное участие в разгроме правотроцкистского подполья». В апреле 1939 г. утверждён Новосибирским обкомом ВКП (б) нач. особотдела НКВД в/с 6895, а в следующем году был переведён в Особый отдел УНКВД по Орловской области¹³.

Судьбы немало количества чекистов-политотдельцев сложились весьма драматически. Значительная их часть была изгнана из НКВД в период непрерывных партийных чисток (ещё до 1937) за неподходящее социальное происхождение, связь с чуждым элементом, службу в армии Колчака, пьянство и различные злоупотребления. Не менее 15 чел. в Западной Сибири были репрессированы в годы «большого террора, в том числе несколько расстреляны. После окончания «великой чистки» множество оперативников было тихо уволено из НКВД. За нарушения законности были осуждены не менее 10 чел.; большая их часть провела в заключении от 3 до 5 лет и менее. Так, пресловутый А.Г. Луньков, осуждённый в 1939 г. за фабрикацию известного «детского дела» в г. Ленинске-Кузнецком на 7 лет лагерей, в начале войны был амнистирован, стал начальником штаба у известного партизана С. А. Ваупшасова, получил ордена и в 1949 г. был назначен заведующим отделом Томского ГК ВКП (б). Повезло и такой зловещей фигуре, как Г. Ф. Ренних. Он в 1937–38 гг. возглавлял 5-е отделение КРО УНКВД по Алтайскому краю и, в частности, составил обвинительное заключение по делу на 298 чел. (из них 290 — немцы), осуждённых 29 декабря 1937 г. к расстрелу тройкой УНКВД. Также составил списки на арест 130 жителей Барнаула (большая часть — ударники предприятий), осуждённых тройкой к расстрелу. Ренниха арестовали 6 ноября 1938 г. за нарушения законности, но уже 4 августа 1939 г. освободили с прекращением дела¹⁴.

Немало чекистов оказалось в тюрьме за различные проступки, включая злостное хулиганство, нарушение конспирации и т. д. Оперработник В. С. Андрющенко с апреля 1933 г. работал ЗНПО Арлюкской МТС Болотнинского района ЗСК (с. Поперечное), вскрыл «кулацкую группу» (осуждено 4 чел.), в сентябре 1934 г. вёл дело на 10 «вредителей» в колхозе «Новый мир». С декабря г. был начальником Локтевского РО УНКВД по Алтайскому краю; в ходе только одной из массовых репрессивных акций на рубеже 1937/38 гг. арестовал около 100 чел. С весны 1941 г. — начальник Змеиногорского межрайотделения УНКГБ по Алтайскому краю. С 19 июля чекист «беспеременно пьянствовал» в сёлах Локтевского района, 25 июля 1941 г. «симулировал на него якобы произведённое нападение, разбросав по дороге одежду, вещи, секретные документы, партбилет и ключи от несгораемого шкафа. Прибежав в село Гилёво в квартиру гр-на Фетисенко, нанёс ему выстрелами из револьвера два ранения». За все эти безобразия заслуженный чекист угодил под трибунал. А вот В. П. Данилов, работавший начальником 4-го отделения СПО УНКВД по Алтайскому краю, пострадал по иной причине: в 1942 г. его осудили на шесть лет лагерей за «разглашение совершенно секретных данных»¹⁵.

Известно о трёх бывших ЗНПО, пропавших без вести на фронте. Несколько человек в период войны и после нее сделали хорошую карьеру: С. В. Юрин возглавил УНКВД по Витебской области БССР, М. М. Портнягин стал заместителем начальника одного из отделов центрального аппарата НКВД СССР, И. Л. Сигарев — заместителем начальника УНКВД по Омской области. В целом же бывшие ЗНПО стали одной из основ карательного аппарата 30–40-х годов, присутствуя во всех

отраслях чекистской работы: выявлявшей «антисоветских элементов», контрразведывательной, транспортной, тюремно-лагерной. А накопленные «вторыми заместителями» многочисленные компрометирующие материалы и агентурные разработки после ликвидации политотделов осели в аппаратах райотделов и управлений НКВД и впоследствии как следует послужили чекистам, особенно в период «массовых операций» 1937–1938 гг.

Примечания

- 1 Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999, с. 186; Папков С. А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, с. 63–67; ГАНО, ф. п-3, оп. 5, д. 300, л. 82.
- 2 ГАНО, ф. п-175, оп. 1, д. 139, л. 4, д. 220, л. 161; ф. 911, оп. 1, д. 201, л. 16; ЦДНИИО, ф. 123, оп. 1, д. 122, л. 135, 137; Нарымская хроника 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. М., 1997, с. 172.
- 3 ГАНО, ф. п-175, оп. 1, д. 10, л. 28, 35, 34–37, 38, д. 56, л. 4, 5, 22, 25, 44, 53.
- 4 ГАНО, ф. п-175, оп. 1, д. 61, л. 53 об., 54 об., 55 об.; ф. 911, оп. 1, д. 76, л. 14–15; ф. п-175, оп. 1, д. 113, л. 57, 59, 61, 62, 74, 67, 84, 85, 100.
- 5 ГАНО, ф. п-175, оп. 1, д. 96, л. 192, д. 132, л. 26 об., д. 125, л. 52, д. 231, л. 44, 84, 84 об.
- 6 Там же, д. 71, л. 29, д. 116, л. 4, 164, д. 112, л. 11, д. 79, л. 29, д. 206, л. 51, 61, д. 161, л. 225.
- 7 Там же, д. 234, л. 115, 116; РГАНИ, ф. 6, оп. 1, д. 270, л. 34; ЦДНИТО, ф. 206, оп. 1, д. 18, л. 170 об.
- 8 Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1931–1936. Т. 2. Барнаул, 1999, с. 302; ГАНО, ф. п-175, оп. 1, д. 134, л. 13, 14, 31, д. 153, л. 46, д. 144, л. 62.
- 9 ЦДНИТО, ф. 341, оп. 1, д. 21, л. 74; Папков С. А. Сталинский террор... с. 64.
- 10 ГАНО, ф. п-175, оп. 1, д. 189, л. 7 об., 14, 176, 185, 198, 201, д. 232, л. 79, д. 61, л. 85, 86.
- 11 Там же, д. 131, л. 65, д. 157, л. 16, д. 231, л. 238, 238 об., д. 158, л. 68, д. 80, л. 29–30.
- 12 РГАНИ, ф. 6, оп. 1, д. 776, л. 51; ГАНО, ф. 911, оп. 1, д. 201, л. 611–612, д. 238, л. 84; ЦДНИО, ф. 14, оп. 2, д. 478, л. 110; ф. 17, оп. 1, д. 57, л. 11; ГАНО, ф. п-3, оп. 2, д. 576, л. 56 об.
- 13 ГАНО, ф. 1027, оп. 8, д. 31, л. 4; ф. п-175, оп. 1, д. 137, л. 47–49; ф. п-3, оп. 7, д. 294, л. 11; ф. п-4, оп. 18, д. 1910, л. 7, 8, 10; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае с. 366.
- 14 *Тепляков А. Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936—1946 // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. СПб., 1997, с. 250, 257, 269, 283; ЦДНИТО, ф. 607, оп. 1, д. 150, л. 8, д. 1093, л. 11; РГАНИ, ф. 6, оп. 2, д. 541, л. 154.
- 15 ЦХАФАК, ф. п-1, оп. 5, д. 30, л. 2, 4, 4 об., 5 об., 11; оп. 18, д. 15, л. 241; *Бруль В. И.* Немцы в Западной Сибири. Т. 2. Топчиха, 1995, с. 19; ЦХАФАК, ф. п-1, оп. 18, д. 17, л. 39; д. 19, л. 171, д. 156, л. 205.

Впервые опубликовано: Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ - НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 173–185 (публикуется с исправлениями).